

Сокуров Александр

12.06.02

КИНО

Рубльбург. — 2002 — 6-12 июня. — с. 7

Вызвали дух Эрмитажа

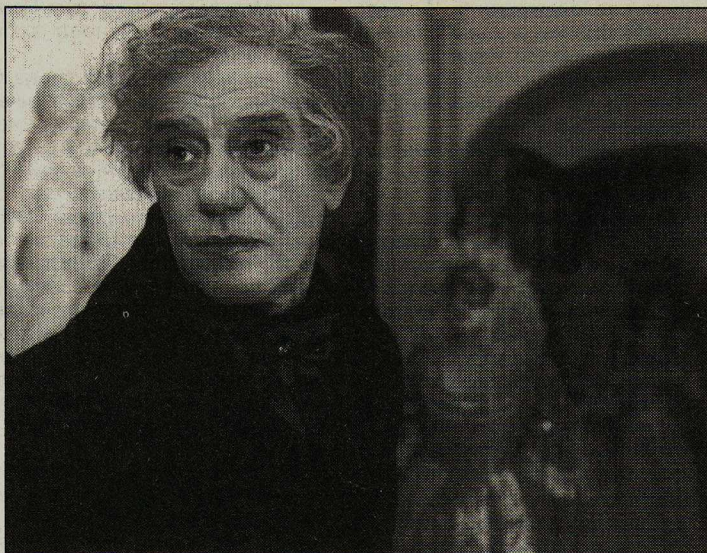
“Русский ковчег” Александра Сокурова. Каннская премьера

Делегация “Русского ковчега” на Каннском фестивале была весьма внушительной. Помимо самого Александра Сокурова, в нее вошли: актеры Сергей Дрейден и Мария Кузнецова, немецкий оператор Тильман Бюттнер, несколько продюсеров во главе с Андреем Дерябиным, директор Эрмитажа Михаил Пиотровский.

“Русский ковчег”, как известно, перекрыл дорогу в Канн Павлу Лунгину и его картине “Олигарх” по книге Дубова “Большая пайка” с Владимиром Машковым в роли персонажа, имеющего некоторое образное отношение к Борису Березовскому, и “Дому для дураков” Андрея Кончаловского. Как это ни грустно, лавров на Лазурном Берегу новая картина Сокурова не снискала и вовсе не по злобности и слепоте жюри. Возможно, что в России ее еще долго не увидят и не оценят, так как русская копия не готова и существуют планы проведения премьеры в дни 300-летия Петербурга.

Предыдущие картины Сокурова “Дольче” и “Элегия дороги” автору этих строк довелось увидеть на фестивалях в Нью-Йорке и в Венеции. В России о них мало кто слышал, а уж тем более смотрел. “Элегию дороги”, правда, в мае показали на фестивале “Золотой Витязь” в Рязани. Это своего рода предтеча “Русского ковчега”. Ее герой с закадровым голосом Александра Сокурова совершал путешествие от русской церкви в какие-то европейские города, странствовал по музейным картинам, входя в них, как в объемное пространство, и задавался вопросом, куда же, собственно, лежит его путь. Вопрос из разряда вечных, ответа на который ищет всякий хоть сколько-нибудь мыслящий человек.

Персонажей в “Русском ковчеге” множество. Часть из них — вполне конкретные, определенные лица. Так Пиотровский-младший, нынешний директор Эрмитажа собственной персоной, беседует в кадре со своим отцом. И тот спрашивает сына о том, прослушивается ли, как прежде, телефон у директора Эрмитажа. Михаил Пиотровский отвечает: “А твои книжки выходят”. Поначалу Михаил Борисович был шокирован предложенной ему сценой встречи с отцом, но в то же время, подобное вполне отвечало его внутреннему состоянию, поскольку с отцом продолжается мысленный диалог всю жизнь. Отчасти шокирован и зритель. Получилась какая-то сцена из “Гамлета”, где принц датский встречается с тенью отца, но только лишенная шекспировского трепета и смысла. Прошел крохотный диалог Пиотровских — все, до свидания, больше мы этих персонажей не увидим. Зато появится академик Иосиф Орбели, тоже директор Эрмитажа прежних лет. Один лишь Сергей Дрейден — маркиз де Кюстин (некогда посетивший Россию, было это в 1839 году), как путеводная звезда, ведет нас, не покидая, по залам музея, удивляясь увиденному, задавая иногда такие вопросы, будто с Луны свалился. Иных и не может быть, ведь жизнь столь стреми-

Слева: С.Дрейден — маркиз де Кюстин.

Справа: М.Кузнецова — Екатерина Великая в фильме “Русский ковчег”

тельна и энергична. Это полноценная роль, не проходная, хотя, просим прощения за нечто подобное каламбуру, как раз проходная. Герой Дрейдена все идет и идет из зала в зал, дивясь на его сокровища и нравы, наполняющих его людей. Актер блистательный, виртуозный, которому подвластно многое, оказался в “Русском ковчеге” своего рода заложником. Кто он на самом деле? И зачем по большому счету явился пред очами публики? Теоретически все можно объяснить, все идеи и сверхзадачу, но в действительности все это будет далеко от истины, художественной и жизненной правды. Какой-то искусственный разум... Двоих в качестве поводырей в данном случае многовато. Человек за кадром (Сокуров) вполне отрабатывает данные функции. Когда герой Сергея Дрейдена спрашивает о том, какая в России власть, закадровый голос Сокурова отвечает: “Не знаю”. Два рассказчика вступают в диалог.

Нас проводят по разным эпохам — от Петра Великого до... страшноватого финала, имя которому... Но об этом чуть позже. Идешь словно по ожившему музею восковых фигур. Жизни духа эпох все-таки мало. Дух — это не одни лишь костюмы и грим, это внутреннее, необъяснимое, но вполне уловимое состояние и вкус. Вкус времени, атмосфера. Сокуров воскрешает прах умерших. Мелькают лица, которых не запомнить, — так их много, и появляются на миг. Разве что Елена Руфанова, возникающая в кадре несколько раз, хотя бы узнаваема не общим выражением лица, да молодая актриса Саша Куликова. Мария Кузнецова, успешно дебютировавшая в сокуровском “Тельце” в роли Крупской, тут в облике Екатерины Великой имеет пару более или менее длительных сцен, длительных на общем мозаичном фоне. Леонид Мозговой, сокуровский Чехов, Гитлер и Ленин — кто-то вроде церемониймейстера, следит за порядком и во время съемок своим присутствием дисциплинировал многочисленную армию актеров, не позволяя им смотреть в

камеру. Особых задач перед ним и не поставлено, во всяком случае, так кажется, глядя на экран. Мозговой — уже вроде кода, талисмана сокуровского кино. Мазетто Гергиев в “Русском ковчеге” дирижирует оркестром. И мы вместе с сопровождающими лицами прошествуем мимо него, как проходили мимо иных мимолетных героев.

Над фильмом трудилось огромное множество людей. Финальные титры впечатляют. Одних гримеров тут не один десяток. Закуплено три ведра пудры. Изготовлено сотни париков, костюмов, 6500 пуговиц. Труд колоссальный. 65 костюмеров понадобилось для того, чтобы одеть массовку, в которой задействовано около 500 человек. Плюс актеров за сотню.

Фильм снят одним кадром в течение полутора часов. Декорация длиною в 1,5 км. Три попытки начать съемку были сделаны в течение первых пяти минут. Останавливались, чтобы все поправить и далее не иметь проблем. Похоже на спортивный рекорд, что бы там режиссер ни говорил. Своего рода аттракцион.

Французские критики встретили “Русский ковчег” сдержанно. Проставляя свои оценки в виде звездочек, скупчились на их число, и лишь кто-то один пророчил Сокурову Золотую пальмовую ветвь. Сам режиссер в очередной раз говорил на пресс-конференции в Канне о том, что не за наградами он сюда явился, не по велению души, но лишь ради продюсеров, которым надо как-то дальше работать с картиной, приехал создавать атмосферу понимания вокруг фильма. А в спортивных соревнованиях участвовать не намерен. Это не его жанр, потому как он делает картины, которые не должны ни с кем соревноваться. Говорил о том, что для него Каннский фестиваль уже закончился, потому что отборщики, взяв “Русский ковчег” в конкурс, самим этим фактом поставили фильму оценку.

При этом вспоминал, что каннский жюри некогда проморгало бле-

Кадр из фильма “Русского ковчега” для Каннского фестиваля

стящие картины Тарковского, Брессона и Германа. Сокуров предъявил также претензии фестивалю за недостаточно хороший с технической точки зрения кинопоказ “Русского ковчега” — не нашлось нужной бобины. Сказал следующее: “Много горечи. Фестиваль получил уникальную картину. В мировом кино такого не было, и мы вправе были ожидать технически достойного показа. Но этого не случилось, и это не достойно Канна, этого блеска и роскоши. Картина многое потеряла от некачественного показа, и мне как кинематографисту обидно”. Михаил Пиотровский рассказывал в Канне о том, что Сокуров понял Эрмитаж, дух, живущий в его стенах, в отличие от других режиссеров он ощутил, что Эрмитаж — больше, чем музей, чем история, живопись и кино. А сотрудники музея находят, что это тот самый Эрмитаж, каким они его чувствуют. По словам М.Пиотровского, нет ничего сложнее, чем заслужить расположение хранителя Эрмитажа.

Фильм снят единым кадром — новация, которой Сокуров гордится, но жюри на это не обратило внимания, иначе бы отметило его работу за эту самую новацию и поиск хотя бы технического свойства, — это ведь для кинематографа не последнее дело. Но, в конце концов, что жюри технические приспособления и та цена, которой достигнут результат. Важен ведь результат как таковой, без всяких объяснений. На вопрос иностранной журналистки о том, собирается ли своим фильмом режиссер увековечить собственное имя в истории кино, поставить рекорд, А.Сокуров ответил:

“На экране — Рембрандт, Эль Греко. Что еще-то? Какой рекорд?”

Все мы ожидали чего-то грандиозного от “Русского ковчега”, доселе невиданного, ждали искренне, к тому же эти ожидания подогревались мощнейшей, грамотной и весьма пафосной пиар-кампанией. Размах последней ожидания не оправдал. Сама картина по сути своей пафосна изнутри, но тогда требовалось довести этот пафос до высшей точки кипения, оправдать, доказать сам факт допустимости его существования, ведь за плечами в самом деле — великая страна и ее не менее великая история. Не случилось. Духоподъемности не хватило, хотя замес был. Режиссер предоставил нам возможность пройти по залам Эрмитажа с его ожившими эпохами и героями, грандиозными, без сомнения. И как вершина, кода — русский бал, пышный, торжественный. Такова финальная точка русской истории. Дальше — тишина, окно в никуда, в какую-то мрачную морскую пучину. Так начинается отсчет советской истории, дорога вспять. Звучит закадровый голос Александра Сокурова: “Бал — вот и все! Прощай, Европа! И плыть нам вечно, и жить нам вечно!” Таков финал фильма. Закончен бал, погасли свечи. Шум голосов едва различим, неясные отголоски музыки, подобные отблескам, звучат словно вдалеке. Разъезд, господа, разъезд! Фильм о русских людях великой эпохи, гимн им, честь и хвала. Теперь-то где они? Думал ли об этом режиссер — не знаю, но в фильме тему эту не расслышать нельзя.

Светлана ХОХРЯКОВА